

Зодчий
Н. Гринько

Николай Гумилев.
Фотография М.С. Наппельбаума, 1918 год

ВАЛЕРИЙ
ШУБИНСКИЙ
Зодчий

Жизнь
Николая Гумилева

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.161.1.09
ББК 83,3(2Рос=Рус)
Ш95

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Шубинский, Валерий.

Ш95 Зодчий. Жизнь Николая Гумилева / ВАЛЕРИЙ ШУБИНСКИЙ. — Москва : АСТ : CORPUS, 2026. — 736 с. — (Автор как персонаж).

ISBN 978-5-17-084585-9

Книга представляет собой подробную документальную биографию одного из крупнейших русских поэтов, чья жизнь стала легендой, а стихи — одним из вершинных событий Серебряного века. Образ Гумилева дан в широком контексте эпохи и страны: на страницах книги читатель найдет и описание системы гимназического образования в России, и колоритные детали абиссинской истории, малоизвестные события Первой мировой войны и подробности биографий парижских оккультистов, стихи полузабытых поэтов и газетную рекламу столетней давности. Книга беспрецедентна по охвату документального материала; автор анализирует многочисленные воспоминания и отзывы современников Гумилева (в том числе неопубликованные), письма и дневники. В книге помещено более двухсот архивных фотографий, многие из которых публикуются впервые, в приложении — подборка стихотворных откликов на смерть Гумилева.

УДК 821.161.1.09
ББК 83,3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-17-084585-9

- © В. Шубинский, 2004, 2014
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014
- © ООО «Издательство АСТ», 2014
Издательство CORPUS ®

Оглавление

<i>Предисловие</i>	9
Глава первая. 3 апреля 1886 года	13
Глава вторая. “Колдовской ребенок”: легенда и явь	27
Глава третья. Цветы императрицы	69
Глава четвертая. Нил и Сена	106
Глава пятая. Инициация	161
Глава шестая. Сладкий воздух	233
Глава седьмая. Утро акмеизма	295
Глава восьмая. Доброволец	404
Глава девятая. Путешествие героя	473
Глава десятая. Акмэ	507
Глава одиннадцатая. Герой, идущий на смерть	619
Глава двенадцатая. 26 августа 1921 года	661

Приложение. Из стихотворных откликов на смерть Гумилева

Ирина Одоевцева	681
Елизавета Васильева (Черубина де Габриак)	685
Сергей Колбасьев	687
Ида Наппельбаум	688
Вера Лурье	691
Анна Ахматова	694
Владимир Набоков	696
Николай Оцуп	697
Максимилиан Волошин	698
<i>Библиография</i>	699
<i>Указатель имен</i>	706
<i>Об авторе этой книги</i>	735

Я — угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле...

Н. Гумилев. “Память”

Поэт всегда господин жизни, творящий
из нее, как из драгоценного материала, свой
образ и подобие. Если она оказывается
страшной, мучительной и печальной, значит,
такой он ее захотел.

Н. Гумилев. “Письма о русской поэзии”

Предисловие

Есть поэты, от которых остаются стихи и только стихи. Их биография — всего лишь приложение к текстам, комментарий к ним, история их создания. Это бывает довольно часто — причем именно с самыми большими мастерами. Кто-то из них “просто жил”, а писал как бы между делом, на полях своей жизни, как Тютчев. У кого-то творчество высасывало, забирало все: на жизнь как таковую сил не оставалось. Так было с Мандельштамом. Кто-то жил двумя жизнями — показной и тайной, внутренней, как Анненский. Кому-то удавалось обрести более или менее уважаемый статус литератора-профессионала, как Ходасевичу. Иногда какая-то посторонняя сила — например, государственная власть — вторгается в процесс, мешает поэту в его работе, а то и убивает его. Но в любом случае собственный облик и судьба не могут восприниматься у этих поэтов как некое авторское творение, самоценное и даже равновеликое стихам.

С Гумилевым все иначе. От него остались не только стихи, но и Легенда — образ поэта-воина, поэта-путешественника, конквистадора, заговорщика. Вся его сознательная жизнь — от первого африканского путешествия до гибели в застенках ЧК — выстраивается в эффектную и впечатляющую картину. “Я хочу, чтобы не только мои стихи, но и моя жизнь была произведением искусства”, — говорил он незадолго до смерти Ирине Одоевцевой. Можно сказать, что по крайней мере отчасти это у него получилось. Биографическая легенда Гумилева покоряла воображение множества юношей в России в XX веке, как биография Байрона в веке XIX.

Однако, когда рассматриваешь эту легенду с близкого расстояния, обнаруживаешь немало противоречий и парадоксов. Начать с того, что личность и судьба Гумилева воспринимались современниками совсем не так, как нами. 1 сентября 1921 года — день, когда стало известно о его гибели — стал точкой раздела в отношении к нему как к поэту и человеку. Впрочем, и в посмертной его судьбе противоречий немало. Достаточно сказать, что никто из больших поэтов Се-

ребряного века не был так запрещен в советское время, как он, — и никто так же сильно, как он, не повлиял на советскую поэзию.

И это — далеко не единственные странности. О Гумилеве написано и сказано немало; собрав эти высказывания и отзывы воедино, начинаешь видеть человеческое лицо — гораздо менее цельное и однозначное, чем маска, но более привлекательное. Человек не равен мифу о себе. Тем он и интересен.

Одновременно с часто трудным и мучительным построением биографии шел процесс формирования и созревания Гумилева-поэта — тоже трудный, затянувшийся на годы. Иногда эти процессы помогали друг другу, иногда мешали. Смерть (пусть во многом случайная) была прекрасной последней точкой в процессе построения биографии, но она не дала Гумилеву-поэту раскрыться в полной мере. Мы никогда не узнаем, *что* он унес с собой.

Среди исследователей биографии Гумилева на первом месте, конечно, П. Н. Лукницкий. Без собранных им материалов работа над этой книгой была бы невозможна. В 1990 году вышла книга его вдовы В. К. Лукницкой, написанная по этим материалам, а сами записи Лукницкого и документы из его коллекции увидели свет в 2010 году (автор этой книги, работая в 2002–2004 годы над ее первым изданием, имел возможность познакомиться с частью из них в рукописном отделе Пушкинского Дома). Одновременно с Лукницким биографией Гумилева занимался в эмиграции Н. А. Оцуп. Его диссертация, защищенная в 1951 году в Сорбонне, посвящена жизни и творчеству поэта. Из множества биографических работ о Гумилеве, появившихся в 1990 годы, наиболее ценной является “Хроника жизни и творчества Гумилева”, составленная Е. Е. Степановым (1991). Более популярный характер носят книги И. А. Панкеева (1995) и В. В. Бронгулеева (1998); в последней из них биография поэта доведена лишь до 1913 года. Работы А. Б. Давидсона внесли много нового в изучение абиссинских экспедиций Гумилева. Уже после появления первого издания нашей книги, в 2006 году, вышла биография Гумилева, написанная В. Л. Полушиным, в серии “Жизнь замечательных людей”. Невозможно обойти вниманием содержательные монографии и статьи К. М. Азадовского, Н. А. Богомолова, Ю. В. Зобнина, В. П. Крейда, К. Ю. Лаппо-Данилевского, О. А. Лекманова, В. А. Петрановского, С. Л. Слободнюка, Р. Д. Тименчика, М. Д. Эльзона и ряд других — даже не соглашаясь порою с отдельными выводами и суждениями того или иного исследователя.

При работе над книгой автор, естественно, пользовался консультациями и советами своих коллег, ученых и писателей. Перечисление всех имен потребовало бы слишком много места; однако нельзя не выразить благодарности за особенно важную помощь библиографу А. В. Коскелло, писателю М. Л. Козыревой, африканисту В. М. Платонову (Российская национальная библиотека), Н. П. Такшиной (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме), З. Л. Пугач (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого), а также владельцам семейных архи-

вов и коллекционерам М. И. Башмакову, Е. А. Голлербаху, И. В. Платоновой-Лозинской, А. М. Румянцеву и А. К. Станюковичу. Многие фотографии и рукописи воспроизведены непосредственно с оригиналов (в этих случаях указано местонахождение подлинников). В качестве иллюстраций использованы также два обширных собрания фотокопий, принадлежащие московскому историку и коллекционеру А. К. Станюковичу и Музею Анны Ахматовой в Фонтанном доме.

Первое издание этой книги вышло более двадцати лет назад, в 2004 году. Хочется выразить благодарность и первому редактору А. Л. Дмитренко, и рецензентам (особенно Н. А. Богомолу и А. А. Немировскому) за поправки и дополнения, которые были учтены в последующих изданиях; учтены также новые публикации и открытия, сделанные специалистами за это время.

Глава первая

3 апреля 1886 года

1 Русская культура с XVIII века делилась на две ветви — дворянскую и разночинную. У интеллигента-разночинца, выходца из поповичей, из мещан, из обрусевших инородцев, была (по емкому выражению величайшего представителя этой формации — Осипа Манделштама) одна родина и одна родословная: полка с книгами. Дворянин (да и интеллигент из дворян) с любовью поминал своих пращуров, иногда стыдясь этой непрогрессивной любви, иногда эпатуруя ею общественность, иногда искренне ею упиваясь.

Все это относится и к поэтам Серебряного века. Гордость своей родословной была для них оправдана и освящена пушкинским примером.

Александр Блок предпочитал (имея на то разные причины) не вспоминать предков по отцу, но никогда не забывал про Бекетовых — классовых интеллигентов и столбовых дворян. Михаил Кузмин открыл свою первую книгу гимном предкам — и “морякам старинных фамилий”, и “франтам тридцатых годов”, и “важным, со звездами, генералам”, и “цветам театральным училищ”. Василий Комаровский помнил своего деда — русского графа из польских шляхтичей, друга поэта Александра Одоевского и зятя поэта Веневитинова. Хлебников гордился основателем рода — “посадником Ростова средне-русского”. Иван Коневской (Ореус), потомок викингов, с наивным юношеским снобизмом писал:

Пойми же, селянин, без племени, без роду,
С тобой пойду я в лес, заслушаюсь дроздов,
Я так же, как и ты, молюся на природу,
И пить ее млеко бегу из городов.

Но не понять тебе, бездомному, нагому,
Какой есть у меня торжественный приют,

Где я причастен достоянью дорогому,
Святому золоту, что мне отцы куют.

Список можно продолжать долго. Вспомним хотя бы главу набоковских “Других берегов” с влюбленным перечислением Рукавишниковых, Козловых и фон Граунов, чья кровь текла в жилах неумемного лепидоптеролога.

Казалось бы, Гумилев — живое воплощение специально дворянских добродетелей и пороков — должен был быть в этом хоре одним из первых. Но за всю жизнь лишь одному из своих предков посвятил он стихотворение — и то осталось в черновиках, а затем было, по всей вероятности, уничтожено; четыре строки из него запомнила Ахматова и в 20-е годы поведала Павлу Лукницкому:

Мой прадед был ранен под Аустерлицем
И заертво в лес унесен денщиком,
Чтоб долгие, долгие годы томиться
В унылом и бедном поместье своем.

Это стихотворение — из неосуществленного “юбилейного цикла” про Отечественную войну, над которым Гумилев работал в 1912 году. Вот и вся родовая связь с воинственным, красочным прошлым. Унылая и жалкая судьба человека, раненного в великой, но проигранной (и чужой для России) битве и оставшегося в стороне от главных событий.

Судьба прадеда изложена фактически верно. Звали его Яков Алексеевич Викторов, был он владелец деревни Викторовка Старо-Оскольского уезда Курской губернии. Томиться там ему пришлось и впрямь “долгие, долгие годы”: умер он в 1872-м, девятиностодвухлетним. Денщик, спасший его, по фамилии Павлюк, оказался столь же долговечным и тоже доживал век в Викторовке.

За свои ранения Яков Алексеевич получил большую пенсию, за которой ездил в г. Старый Оскол. Там он закупал нужные продукты на длительное время, так как и пенсию получал по третям года. Кроме того, в усадьбу приезжали венгерцы со всевозможными товарами, начиная с духов и пудры и кончая прекрасными дорогими мехами. Дедушка неукоснительно покупал все, чего хотелось его внукам, и обязательно шелковой материи на “смертный халатик” для себя... У него было много “смертных халатиков”, которым он иногда делал осмотр, и иногда посылал халатик в подарок покойнику и даже больному! Гроб он тоже велел себе заготовить заранее и примерялся, удобно ли ему будет лежать. Под конец ему захотелось услышать, как его будут отпевать, и ужасно обиделся, когда священник отказал ему в этом.

“Вот, — говорил он, горько плача, — до чего я дожил: и панихиду по мне не хотят петь”. Пришлось, чтобы его успокоить, отпеть какого-то дворового, умершего в это время и имевшего имя Якова (*из воспоминаний Александры Степановны Сверчковой, сводной сестры Н. С. Гумилева*).

Внучки — это юная и незамужняя Анна Ивановна Львова (1854–1942), впоследствии — мать поэта, и ее старшая сестра, несчастливая в браке Агата, по мужу Покровская. Была еще третья сестра, Варвара, по мужу Лямпе, и два брата — Яков и Лев, контр-адмирал.

Моряком был некогда и отец их, Иван Львович Львов, супруг Юлии Яковлевны Викторовой, единственной дочери аустерлицкого инвалида; но после Русско-турецкой войны 1828–1829 годов, удостоившись ордена Святой Анны и серебряной медали на георгиевской ленте, он вышел в отставку в чине лейтенанта. Позже поступил он на гражданскую службу, однако и там не поднялся выше коллежского асессора. Имение Слепнево Бежецкого уезда Тверской губернии, унаследованное им от отца, дохода давало мало: согласно семейному преданию, Юлия Яковлевна по смерти мужа сама вязала чулки на продажу — “на свечи и лампадное масло”...

В Тверской губернии было по меньшей мере шесть дворянских родов Львовых.

На первом месте, конечно, должен быть назван род помещиков Новоторжского уезда, восходящий к Пимену Никитичу Львову, поминаемому в росписи 1626 года. Среди его потомков известнее всех тайный советник Николай Александрович Львов (1753–1803), поэт, инженер, музыкант, эстетик и прежде всего — архитектор (строитель Приоратского дворца в Гатчине, церкви “Кулич и пасха”, Почтамта и Невских ворот Петропавловской крепости — и бесчисленных усадеб и церквей в Тверской губернии). Внуками этого достопочтенного мужа были два видных либеральных политика начала XX века — Владимир Николаевич и Николай Николаевич Львовы. Из этого же рода — Александр Федорович Львов, автор музыки гимна “Боже, Царя храни”, прадед Ольги Ваксель, небольшой поэтессы и возлюбленной Мандельштама (“И прадеда скрипкой гордился твой род...”).

В дни Михаила Федоровича в Новоторжском уезде числилось еще два помещика Львовых (давших начало особым дворянским родам) — Никита Димидович и Дмитрий Игнатьевич с братьями Иваном и Федором. Но почти наверняка все новоторжские помещики Львовы были родичами.

Интересующий нас род Львовых, помещиков Бежецкого уезда, в “Генеалогии дворян Тверской губернии” начинается со Льва Васильевича (дед Анны Ивановны), “из дворян”, внесенного в родословные книги в 1785 году. Согласно же родословной Н. С. Гумилева, составленной в 1990 году О. Н. Высоцким, внебрачным сыном поэта, Лев Васильевич Львов (1764–1824), се-